

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1979 г.

Дух законов в демократическом государстве против злого духа власти в государстве деспотическом — плодотворна и актуальна ли сегодня хоть в каком-то политическом отношении эта принципиальная дискуссия, изложенная в форме беседы между Макиавелли и Монтескье? Не хотелось бы положительно отвечать на этот вопрос в том смысле, в каком принято отвечать на него, рассматривая каждое историческое исследование как необходимый элемент понимания настоящего или прогнозирования будущего. Положительный ответ возможен в ином смысле.

Опубликованная Жоли в 1864 г. дискуссия между двумя политическими противниками, не имевшая места в действительности, но достоверно основанная на трактате Макиавелли «Государь» 1573 г. и посвященном философии права и науке о государстве труде Монтескье «Дух законов» 1748 г., не утратила и в наше время своей актуальности. Минувшие и самые современные процессы нашей политической обстановки дают еще больше оснований придавать огромное значение дискуссии о добром или злом духе процессов развития в нынешних государственных структурах у нас или у наших соседей.

Прежде всего: дух деспотизма, персонифицированный в образе мышления и фигуре Макиавелли, жив и по сей день.

В 1948 г., после появления книги на немецком рынке, мы еще могли успокаивать себя тем, что деспот не только, как говорит Макиавелли, за 20 лет может подчинить нацию тирании, но и тем, что его искусства править хватило лишь на 12 лет, а затем его сменила такая форма государства, в которой воскрес дух законов — точно так, как это логично доказывал своему оппоненту Монтескье. Тем не менее, ни в коем случае не следует вместе с Гитлером отправлять в мусорное ведро дух тирании или возможность существования других деспотических государственных структур; напротив, они пока в полном здра-

вии. Мысль о власти захватила умы некоторых наших соседей и представляет существенную угрозу для нас, немцев. Там и сегодня царят повсеместно могильный покой и диалектика диктатуры, лишь изредка нарушаемые голосами диссидентов и апеллированием к правам человека. Слова и идеи, вкладываемые Жоли в уста Макиавелли, утонченная фальсификация понятий, апофеоз самоуправства, подрывные методы проникновения, сама политическая тактика Макиавелли являются неизменной составной частью политики некоторых граничащих с нами европейских государств, находящихся в непосредственной географической близости, не говоря уж о более удаленных странах. Политика разрядки, которую мы ведем в отношении этих государств, сама по себе необходима, однако она не в состоянии изменить ни образа мыслей тамошних жителей, ни их длительной духовной агрессии.

Может ли противостоять таким намерениям и их опасности возросшее понимание ценностей демократического правления, понимание необходимости укрепления и защиты демократических институтов в духе Монтескье?

Когда в 1948 г. у нас появились «Разговоры...», мы пережили возрождение подлинно демократического сознания и активно работали над восстановлением свободы личности и основополагающих человеческих ценностей.

Этому соответствовала структура государства. Государство получало лишь ограниченную власть, и она осуществлялась институционно, в соответствии с принципом разделения властных функций, исполнительными, законодательными и независимыми судебными институтами. Свобода индивидуума с одной стороны и государства с другой ограничивалась конституцией.

Теперь, тридцать лет спустя, можно задаться вопросом, соблюдаются ли эти границы и не обозначились ли недостатки первоначального устройства, делающие функционирование нашего институционного государства менее эффективным или по меньшей мере дискредитирующие его, что может привести к ослаблению государства, являющемуся, как о том говорил своему оппоненту Макиавелли, неизбежным этапом при переходе к абсолютизму. В конце концов, в аргументации Монтескье главным совершенно очевидно являются не логика или убежденность в разумности правителей и подданных, а принцип надежды. В своем предисловии Жоли формулирует это следующим образом:

«Но жива еще общественная совесть, и небо вмещается в один прекрасный день в игру, которая ведется против него».

Ясно, что принцип надежды состоит в обращении истории к праву, но в разное время это обращение может привести и к хорошему, и к дурному, а сейчас целый ряд признаков свидетельствует о том, что в нашей демократической стране ведется игра с целью вытеснения прежнего демократического соглашения, подчинения демократического порядка разного рода интересам, а также с целью парализовать способность принимать решения у призванных к тому исполнительных и законодательных властей. Можно привести здесь лишь несколько примеров.

Предусмотренная нашей конституцией репрезентативная демократия фальсифицируется, когда политическим партиям, а внутри них так называемому базису фактически предоставляется право принятия решения, что связано с представлением о праве решающего голоса, что, в конце концов, превращает парламентариев в передаточное звено, а носителей исполнительной власти в простых исполнителей.

Другим способом воздействия на процесс принятия решений созданными на конституционной основе органами является растущее число и усиливающееся влияние гражданских инициатив и различных непартийных организаций. Разумеется, в конкретных областях и до определенной степени они совершенно необходимы и законны, однако не имеют никакого права превращаться в некое подобие плебисцита, понятие о котором отцы-законодатели благоразумно не заимствовали из Веймарской конституции. Каждой позиции, основанной на специфической заинтересованности, в нашем плюралистическом обществе противостоит другая, столь же законная позиция; следовательно, должна существовать власть, стоящая над ними и ориентированная на общественные интересы, и она должна не просто существовать, а быть действенной. Это справедливо как для вопроса об использовании атомной энергии, так и для вопроса о строительстве местной окружной дороги, но слишком широкий спектр подобных задач приводит к патовой ситуации. В понятии «больше демократии» таится опасность чрезмерной демократичности, при которой в плюралистическом обществе все и каждый чувствуют призвание править страной, а в результате сфера деятельности созданных на конституционной основе институтов ограничивается или вообще сходит на нет. Это не зафиксированное законодательно, но практикуемое притязание на соправление наносит ущерб принципу разделения власти и приводит к тому, что определяемое не может быть определено, поскольку право подменяется тем, что каждый считает своим правом.

В-третьих, предусмотренная нашей конституцией свобода не есть свобода от границ или обязанностей. Свобода не есть воляница. В частности, должно ограничивать свободу тех, кто стремится лишить свободы нас. Семантическая война, ведущаяся при помощи фальсифицированных понятий, таких аргументов, как запрет на профессию, террор потребления, репрессивная свобода, отчуждение человека человеком, — это просто завеса из громких слов, за которой на самом деле таится не социально-экономический анализ, а попытка изменения системы, имеющей своей целью деградацию наших институтов, что отчасти уже наглядно и успешно происходит в наших собственных университетах. Так или иначе, но у истоков этого процесса стоит Макиавелли.

Заключение: наша демократия привела к образованию такого общества, при котором социальное государство превратится в государство тотального снабжения под девизом: государство за все и всех, никто за себя или для всех. Но в этом случае, с одной стороны, в заднюю дверь проникает представление о тотальной ответственности государства, а, с другой стороны, над парадным входом прибывают плакат «Больше демократии». В результате, хоть тотального государства пока и не возникает, тем не менее, возникающий хаос на долгое время становится питательной почвой для возникновения разного рода идеологий, утопий и тоски по освободителю, каковым с удовольствием стал бы Макиавелли. Разумеется, это не все, а лишь немногие проблемы нашей современной ментальной организации, когда конституционные права и конституционная действительность приобретают тенденцию к расхождению. На странице 67 книги Макиавелли говорит своему оппоненту:

«Ну, так попробуйте в вашем до основания прогнившем обществе, в котором каждый живет в сфере своих материальных интересов и эгоизма, попробуйте опросить большинство, и со всех сторон вы получите в ответ: Что за дело мне до политики? Какое мне дело до свободы? Не все ли равно: что то правительство, что это?» Именно об этих вещах и идет речь. И именно поэтому сей диалог в загробном мире не есть беседа теней в вечной тьме, но тот диалог, что мы ежедневно ведем сами с собой, поскольку ежедневно появляются новые причины к нему и к тому, чтобы призадуматься о возможностях сохранения нашего свободного общественного порядка.

Гамбург, апрель 1979

Герберт Вайхман